

ГОСПОЖА СЛЕДОВАТЕЛЬ

ОКСАНА БАРКОВСКАЯ: СОТРУДНИКИ СПЕЦСЛУЖБ – НАПУГАННЫЕ ЛЮДИ

Вы можете не помнить ее фамилии, можете не узнать, если случайно встретите на улице. Но вы наверняка видели хотя бы некоторые ее фильмы. «Голоса из безмолвия», «Рассекреченный век», «Тайная дипломатия», «Хроника мирового терроризма» – вот только несколько названий документальных циклов Оксаны Барковской. Оксана Барковская – шеф-редактор отдела документальных программ телеканала Ren TV, дважды лауреат Национальной Телевизионной премии «ТЭФИ» в номинации «Журналистское расследование», единственный российский документалист – обладатель Гран-при международного кинофестиваля в Риме, Гран-при Международного кинофестиваля в Брюсселе и одной из самых престижных мировых кинонаград – приза кинофестиваля «Золотые ворота» в Сан-Франциско.

Я не девушка во френче

– Оксана, снимать документальное кино про спецслужбы и терроризм – наверное, не то, о чем мечтает с детства обычная девочка?

– Если честно, я ненавижу снимать фильмы про террористов и спецслужбы и стараюсь по своей воле этого не делать. Если и делаю кино о терроризме, то только тогда, когда происходит событие, которое я не могу игнорировать. Трупы, страдания... поверьте, видеть все это мне, как, впрочем, любому нормальному человеку, безумно страшно. В общем-то, с фильмов про спецслужбы я начала свою карьеру в документальном кино. Первым моим проектом был цикл фильмов «Голоса из безмолвия» про женщин-разведчиц. Но это истории не про разведку, а скорее про любовь. Разведка здесь постольку, поскольку это профессия моих героинь. Кстати, благодаря этому циклу я стала лауреатом премии Службы внешней разведки. Последним, кто получил эту премию, был Юлиан Семенов за свои «Семнадцать мгновений...»

– Вас называют лучшим специалистом по разведке на ТВ.

– Я стараюсь уйти от образа девушки во френче. После трагедии «Норд-Оста» мое отношение к российским

спецслужбам во многом поменялось. Да, по роду своей деятельности я действительно знаю немножко больше, чем обычный обыватель. Например, пять лет назад меня пустили в святая святых – Службу внешней разведки в Ясенево. Время от времени я общаюсь с разными представителями наших спецслужб, которые просто «по доброй воле» или из-за собственной болтливости «сливают» мне какую-то информацию. Но, поверьте, в работе я пользуюсь только открытыми источниками, доступными для любого смертного. Так мне спокойней. А то мало ли: вдруг мои представления о свободе слова и о разглашении государственной тайны несколько разойдутся с представлениями какого-нибудь чиновника. Тогда не избежать уголовного дела. А я не могу себе этого позволить, я – прежде всего мама, а потом уже все остальное.

– Вы выросли в семье военного. Это, видимо, тоже как-то повлияло на выбор вами профессиональных приоритетов?

– Дети военных просто более коммуникабельны. У меня в жизни было семь школ, все время новый круг общения, новые места. Единственное, я все свое детство, в очередной раз куда-нибудь переезжая, говорила: никогда не выйду замуж за военного.

– И тем не менее вышли замуж за офицера Игоря Прокопенко (веду-

щий программы «Военная тайна» на Ren TV. – О. Н.).

– Ну, когда я вышла за него замуж, он уже был в запасе. Так что я не нарушила своего детского обещания.

Профи осторожничать не может

– Ощущаете конкуренцию на избранном поприще?

– Конкуренты, может, и есть, но я никогда перед ними не пасую. В нашей среде – у Мамонтова, у Пиманова, у Масюк – даже скорее не конкуренция существует, а параллельная охота за материалами и за интересными героями. Мне, конечно, неприятно, когда мой источник отдает оперативную съемку коллеге с другого канала. Мы ревностно относимся к удачам друг друга, но это только подстегивает в работе.

– Какой из своих работ вы особенно гордитесь?

– Я сделала фильм про Александра Орлова – нашего резидента в Испании. Единственный высокопоставленный разведчик, которому удалось обвести вокруг пальца Сталина. Этот фильм назывался «Дневник беглеца» и получил «ТЭФИ» в прошлом году. Так вот, я просто так, «на удачу» обратилась за материалами по этому делу в ФБР. Каково же было мое удивление, когда я получила все архивы допросов Орлова за семь лет. На основе этих документов мне удалось доказать, что Орлов не был предателем.

– При вашем-то опыте, признайтесь: как можно раскрутить разведчика на откровенность?

– Если говорить о действующих сотрудниках, то это очень напуганные люди. Они взвешивают каждое слово, а потом еще и до эфира требуют кассету и... еще раз взвешивают каждое свое слово. Они переживают не

столько за то, что выболтают гостайну, сколько за то, что по шалке от начальства получат.

– Оксана, были моменты, когда вам приходилось бояться за свою жизнь?

– В 2000 году я несколько месяцев ходила с охраной. Тогда я работала над фильмом о секте «Радастя». Это было время, когда угрожали и мне, и моим родителям. Но я по-прежнему не хочу комментировать эту историю.

– О подстраховке не думаете? Может, стоит, как в детективах, к примеру, рассылать копии кассет друзьям?

– Подстраховаться тут никак нельзя. Слишком много на свете идиотов, которым может не понравиться просто какая-то мелочь, и за эту мелочь придется платить жизнью. Тем более нельзя подстраховаться в России, где журналистов убивают практически каждый месяц. Расследование всегда нужно доводить до конца. Осторожничать профессионал не может.

– Говорят, что с рождением ребенка женщина становится вдвойне осмотрительной. У вас сейчас маленькая дочка...

– Теперь я даже за рулем десять раз обернусь во все стороны. Я понимаю, что моему ребенку маму никто не заменит. Я боюсь не за свою жизнь, а за то, что моя Лизавета без меня пропадет.

Мужа могу и не заметить

– Вы работали с Игорем Прокопенко как соведущая. А потом почти исчезли с экрана...

– Ну на экране я и сейчас время от времени появляюсь. У нас на канале есть такое ток-шоу «Сенсация или провокация?», которое мы по-прежнему ведем вдвоем с Игорем. Но работа в кадре предполагает минимальное наличие творчества и доведенные до автоматизма технические умения. Я сознательно ушла работать «за кадр», там больше возможностей для творческой самореализации.

– С Игорем у вас был служебный роман?

– У меня есть брат Андрей, который старше меня на одиннадцать лет, Андрей Барковский – пресс-секретарь губернатора Московской области Бориса Громова. Андрей, как и Игорь, военный журналист, и они дружили еще тогда, когда я училась в школе. Потом я выросла и мы поженились.

– Теперь вы с мужем оба начальники. Как делите сферы влияния?

– Игорь – заместитель гендиректора по документальному кино, а я – шеф-редактор документального вещания. Сейчас у нас 15 творческих бригад, которые работают над фильмами нового сезона. Эти фильмы мы с Игорем поделили. У нас есть золотое правило: я никогда не вмешиваюсь в его дела, он – в мои. Хотя дружеские советы не исключаются. Мы абсолютно взаимозаменяемы и можем делать работу друг друга, когда это требуется.

– Общение 24 часа в сутки не утомляет? Наверное, в редакции ваши кабинеты в разных концах коридора?

– В редакции мы сидим в одном кабинете, друг напротив друга. Я умею полностью отключаться и концентрироваться только на работе. Поэтому, когда Игорь сидит напротив, то я могу его и не замечать.

– В семье делите обязанности?

– Нет, тут у нас никакого разделения на мужское и женское нет. Игорь очень хороший и даже немножко сумасшедший (в самом лучшем смысле этого слова) папа. Сейчас дочке девять месяцев, и я спокойно могу оставить ее на Игоря на целый день. Он и покормит, и памперс поменяет. Я во иногда говорю с другими папами, так в их представлении поменять памперс – это ну просто подвиг совершить.

«Норд-Ост» всегда со мной

– Профессиональные награды, помимо того, что почетны, дают какие-то материальные дивиденды?

– То, что «ТЭФИ» не приносит ничего, кроме зависти коллег, а некоторые и вовсе перестают здороваться, – это точно. А так, единственный международный кинофестиваль, на котором Гран-при сопровождался денежным призом, – бельгийский. Победы дают другое. После победы фильма «Норд-Ост» в Сан-Франциско меня стали приглашать к сотрудничеству американские и европейские документалисты. Такие предложения не делают просто так каждому русскому документалисту.

– Фильм о «Норд-Осте» вы заканчивали, когда уже были на девятом месяце беременности...

– У меня было абсолютное ощущение, что я должна это сделать. Для Лизы и для тех, кто продолжал жить после этой трагедии. Мне действительно казалось, что я сумела абстрагироваться от темы. Но совсем недавно я поняла, что «Норд-Ост» навсегда останется со мной. И время от времени эта зараза вылезает наружу. Мы с Игорем пошли на вручение одной из патриотических премий. Сидели в VIP-партере практически у самой сцены. По режиссерской задумке вручение премии предваряло театрализованное шоу. Прямо на нас высочили люди в камуфляже и стали палить холостыми патронами из автоматов. Со мной случилась истерика, этот визуальный образ мгновенно перенес меня в зал «Норд-Оста». Мужу пришлось вывести меня из зала.

– Может ли расследовательская журналистика быть рейтинговой без эксплуатации трупов, изнасилований и прочей гадости?

– В прошлом сезоне мы сделали 52 фильма на разные темы, но самый высокий рейтинг был у проекта «Воры в законе». Ни искусство, ни театр, ни мода, ни азартные игры такого рейтинга не собрали. Рейтинг – это рекламные деньги и прибыль. Пока это так, насилие будет на телевидении. Хоть это и личное дело каждого, но я не хочу, чтобы моя дочка Лиза играла в жену бандита, пусть она лучше играет в принцессу, и именно поэтому эксплуатировать тему насилия никогда сознательно не буду.

Оксана НАРАЛЕНКОВА

ТВ БЛИЦ

А вас насилие завораживает?

ШУРА, солист группы «Би-2»:

– Насилие, на мой взгляд, может завораживать только людей с искаженной психикой. У себя я с этим проблем пока не вижу. Ну да, в каком-то смысле насилие, наверное, привлекательно. У него есть свое... отрицательное обаяние, что ли. Но если человек нормален, то он не сможет долго на этом заморачиваться. Посмотрит и выключит: все, больше не могу.

Андрей БАРТЕНЕВ, дизайнер:

– Нет, ни на экране, ни в жизни. Я вообще не понимаю, как лицемерие того, как какие-то подонки издеваются над своими несчастными жертвами, может кому-то приятно щекотать нервы.

Армен ДЖИГАРХАНИЯН, актер:

– Я за то, чтобы на телевидении было как можно меньше всего этого. Ведь это скрытая или явная пропаганда насилия, внедрение в сознание – с помощью фильмов, новостей, документального кино, всех этих ток-шоу, – даже если при этом преследуются самые благие цели. Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Программы, посвященные борьбе с наркотиками, – это реклама наркотиков, о вреде курения – реклама табака. Это хорошо известно специалистам в области человеческой психики. То же и с насилием на экране. Это связано именно с тем, о чем вы сказали «завораживает».

Василий УТКИН, спортивный комментатор:

– Нужно уточнить: насилие или демонстрация насилия? Насилие – ни в коем случае: я – психически здоровый человек. Что касается демонстрации насилия, то это вопрос тонкий. Демонстрация какого рода? В новостях, в документальных фильмах, в художественных фильмах? Кто за этим стоит: это талантливые и добрые люди или те, кто, как говорится, играет на нездоровых инстинктах? К сожалению, немного найдется людей, кому в этих вопросах можно доверять.